

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-795-826

Научная статья / Research article

Факторы влияния региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области

О.В. Попова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 o.popova@spbu.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется доминирующей ролью элитных групп в современной российской политике. Возможность и способность элиты решать актуальные вопросы социума в немалой степени зависит от степени влияния этих людей. Представлены результаты экспертного исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (конец ноября — начало декабря 2021 г.). В качестве экспертов выступили сами представители региональной политической элиты, а также «ключевые информаторы». Технология сбора экспертной информации включала комплекс качественных и количественных методов (методы группировки данных с оценкой средних значений вариационного ряда и мер рассеяния, а также многомерное шкалирование, факторный и кластерный анализ). Оценка проводилась по 22 параметрам. В Санкт-Петербурге со стратегиями укрепления представителями власти своего влияния связаны шесть факторов: условия общей и политической социализации; доминирующие коммуникативные стратегии политиков, опирающиеся на тип его лидерства; экономические ресурсы; связанные с особенностями семьи / рода политика неформальные основания политической карьеры; нетипичное для мегаполиса культивирование патрон-клиентских отношений; наличие у представителя региональной элиты опыта работы в других сферах, помимо государственного управления и публичной политики. Наиболее привлекательны для самих политиков три образа: а) результативный политический «тяжеловес», относящийся к какому-либо клану по праву рождения или «обросший» экономическими и неформальными связями, в том числе с «теневыми структурами», обладающий реальными экономическими возможностями повлиять на ситуацию в регионе; б) «политический трибун», который активно коммуницирует с населением и делает ставку в своей политической карьере на формирование по отношению к себе устойчивого положительного отношения жителей региона; в) «свой», связанный с регионом своей судьбой и имеющий устойчивые политические взгляды. Доказано, что в Санкт-Петербурге публичная коммуникативная активность онлайн и офлайн не является значимым условием укрепления «политического веса» политика, гораздо важнее принадлежность к какому-либо клану (семейному,

© Попова О.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

дружескому, профессиональному). Эксперты отрицают акцентированные маскулинные или феминные модели поведения политиков в Санкт-Петербурге существенным фактором усиления их влияния. В Ленинградской области конфигурация латентных факторов значимости политиков иная. Здесь наиболее важны канал и способ рекрутирования политика во власть, активность персональной информационной политики в интернет-пространстве, наличие социального, человеческого и статусного капитала по праву рождения в определенной семье или эффективного взаимодействия с особыми влиятельными группами в регионе, акцентированная демонстрация личных ресурсов, наличие реальных лидерских качеств, контроль над экономическими ресурсами в регионе. Были выделены пять доминирующих типов политиков с точки зрения эксплуатации ими и демонстрации публике различных качеств. Была подтверждена значимость способности политиков к масштабному, стратегическому мышлению при решении региональных задач и акцентированный гендерный тип поведения в публичном политическом пространстве.

Ключевые слова: региональная политическая элита, факторы влияния, модели влияния политической элиты на Северо-Западе, эмпирическое исследование, экспертный опрос, статистические методы анализа

Для цитирования: *Попова О.В.* Факторы влияния региональной политической элиты в современной России: пример Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 795–826. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-795-826>

Благодарности: Сердечно благодарю доктора политических наук, профессора, заведующую кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) О.В. Гаман-Голутвину за возможность участия в исследовательском проекте и разрешение на публикацию данных по двум обследованным регионам. Также выражаю признательность за помощь в проведении части экспертных интервью моим коллегам по кафедре политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ Д.А. Будко, Е.О. Негрову, О.Д. Сафоновой, А.В. Шентяковой.

Factors of Influence of the Regional Political Elite in Modern Russia: Evidences from St. Petersburg and the Leningrad Region

Olga V. Popova

St. Petersburg State University Saint-Petersburg, Russian Federation,

 o.popova@spbu.ru

Abstract. The relevance of the research project is determined by the dominant role of elite groups in modern Russian politics. The opportunity and ability of the elite to solve topical social issues to a large extent depend on the degree of their influence. The article presents the results of an expert study in St. Petersburg and the Leningrad Region (late November to early December 2021). Representatives of the regional political elite themselves, as well as “key informants” acted as experts. The technology for collecting expert information included a set of qualitative and quantitative methods (methods of grouping data with an estimate of the average values of the variation series and dispersion measures, as well as multidimensional scaling, factorial and cluster analysis). The

evaluation was carried out on 22 parameters. In St. Petersburg, six factors are associated with the strategies used by the authorities to strengthen their influence: the conditions of general and political socialization; dominant communication strategies of politicians based on the type of their leadership; economic resources; informal grounds for political career related to the politicians' families; cultivation of clientelism, atypical for a metropolis; the regional elite having work experience in other areas, in addition to public administration and public policy. The politicians themselves are mostly attracted to three image types: a) a productive political "heavyweight", belonging to a clan by birthright or "overgrown" with economic and informal ties, including with "shadow structures", who has real economic opportunities to influence the situation in the region; b) a "political tribune", who actively communicates with the population and relies on cultivating a stable positive attitude towards themselves among the inhabitants of the region; c) an "insider", connected with the region by their destiny and having stable political views. The study showed that in St. Petersburg, public communicative activity online and offline is not a significant condition for strengthening the "political weight" of a politician; belonging to a clan (family, friend group, professional clan) is much more important. Experts deny that accentuated masculine or feminine behaviour patterns of politicians in St. Petersburg are a significant factor in strengthening their influence. In the Leningrad Region, the configuration of the latent factors influencing the significance of politicians is different. The most important factors include the following: the channel and method of politician's recruitment to power; the activity of personal information policy on the Internet; the presence of social, human and status capital through birth in a certain family or effective interaction with certain influential regional groups; an accentuated demonstration of personal resources; the presence of real leadership qualities; control over economic resources in the region. Five dominant types of politicians were identified in terms of the various qualities exploited by them and demonstrated to the public. The importance of the ability of politicians to large-scale, strategic thinking in solving regional problems and the accentuated gender type of behaviour in public politics was confirmed.

Keywords: regional political elite, factors of influence, models of influence of the political elite in the North-West of Russia, empirical research, expert interviews, statistical methods of analysis

For citation: Popova, O.V. (2022). Factors of influence of the regional political elite in modern Russia: Evidences from St. Petersburg and the Leningrad Region. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 795–826. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-795-826>

Acknowledgements: I sincerely thank Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of the Department of Comparative Political Science at MGIMO University O.V. Gaman-Golutvina for the opportunity to participate in the research project and permission to publish data on the two surveyed regions. I would also like to thank D.A. Budko, E.O. Negrov, O.D. Safonova, A.V. Shentyakova.

Введение: концептуальные и методические рамки исследования

Исследование политических элит давно и прочно заняло позиции одного из ведущих направлений в мировой политической науке [Amin 2017; Burton, Gunther, Higley 1992; Burton, Higley 2001; Burton, Higley 1987; Cameron, Turovsky 2015; Clegg 2016; Dragoman, Gheorghîță 2016; Errejón, Guijarro 2016; Garrido-Vergara 2013; Higley, Hoffmann-Lange, Kadushin, Moore 1991; Higley, Pakulski 2000; Higley, Pakulski, Wesółowski 1998; Reisinger, Moraski 2017; Kleibrink 2015; Kuzio 2015; Lanigan 2017; Morgan 2017; Колядин 2016; Покатов 2020] и фактически получило статус субдисциплины. Отметим, что многолетние глубокие научные изыскания таких отечественных ученых, как О.В. Гаман-Голутвина [2020; 2016; 2006], А.В. Дука

[Дука и др. 2021; 2021; 2017], О.В. Крыштановская [2005], Н.Ю. Лапина¹ [Лапина, Чирикова 1999], В.Г. Ледяев [2008], А.В. Понеделков, А.М. Старостин [Понеделков, Аверин, Магомедов 2016; Понеделков, Старостин, Швец 2015], А.Е. Чирикова [2010] и др. [Гаева 2012; Иванова 2021; Родионов, Волкова 2017; Родионов, Волкова 2016; Хабаров 2016; Шентякова 2020], охватывая самые разнообразные аспекты функционирования властных слоев, постоянно обеспечивают прирост знаний о российской политической элите федерального, регионального [Гаман-Голутвина 2004; Жуков, Сельцер, Барабаш 2020; Лобойко 2018; Усова 2020; Усова 2015; Шарин 2019] и локального [Ковин, Петрова 2019] уровней и способствуют более точному пониманию особенностей функционирования данной группы. В рамках ограниченного объема статьи мы сосредоточимся на обсуждении достаточно узкого вопроса, касающегося поиска моделей факторов влияния региональной политической элиты в современной России.

Во многом отечественные исследователи при обсуждении вопроса о факторах влияния политической элиты любого уровня предпочитают опираться на парадигмы идущей от М. Вебера классической типологии лидерства, теории статусной влияния, теории ресурсов, теории различных типов капитала в интерпретации П. Бурдьё, теории иерархической политической коммуникации и т.д. Данные концепции, безусловно, многократно доказали свою релевантность, однако актуальным остается исследовательский вопрос о принципиальной возможности построить модели, которые позволили бы объективно оценить значимость различных параметров, определяющих политический «вес» представителей региональной политической элиты в конкретной обстановке, и провести адекватное сравнение ситуации в различных политико-административных образованиях конкретного государства.

Данная задача была реализована в рамках исследовательского проекта «Человеческий потенциал политических элит в системе отношений „центр — регионы“» (руководитель проекта О.В. Гаман-Голутвина, ноябрь–декабрь 2021 г.). В конце ноября — начале декабря 2021 г. преподавателями кафедры политических институтов и прикладных политических исследований был проведен экспертный опрос в форме глубинного интервью с представителями региональной элиты (ЛПР — лицами, принимающими политические решения в сфере публичной политики, управленческих структур регионального уровня, представителями системообразующего бизнеса) и «ключевыми информаторами» (учеными, журналистами, лидерами общественного мнения, руководителями региональных активных НКО, представителями научного/образовательного политологического сообщества, активно занимающимися политической регионалистикой, политтехнологами) офлайн или с применением средств интернет-коммуникации. Пропорция интервьюирования собственно представителей элиты и «ключевых информаторов» составила практически 1:1. В Санкт-Петербурге было проведено 33 интервью, в Ленобласти — 25 (табл. 1).

¹ *Лапина Н.Ю.* Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. 251 с.

Отметим, что необходимое количество экспертов при проведении глубинных интервью, согласно признанным в научном мире методикам, составляет 15 человек. Привлеченные к исследованию эксперты давали свои оценки ситуации только в одном субъекте Российской Федерации; выборки экспертов не пересекаются.

Таблица 1

**Категории участвовавших в исследовании экспертов
в Санкт-Петербурге и Ленинградской области**

Категории экспертов	Санкт-Петербург	Ленинградская область
Исполнительная власть	10	5
Депутатский корпус	5	7
Политические деятели и представители институтов гражданского общества	4	6
Политтехнологи	4	2
Представители бизнеса	2	1
Представители вузовской и академической науки, профессионально занимающиеся темой исследования	7	2
Представители СМИ	1	2
Итого	33	25

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 1

**Categories of experts participating in the study
in St. Petersburg and the Leningrad Region**

Categories of experts	St. Petersburg	Leningrad Region
Executive power	10	5
Members of the regional parliament	5	7
Political actors and representatives of civil society institutions	4	6
Political technologists	4	2
Businessmen	2	1
University and academic scientists	7	2
Media representatives	1	2
Total	33	25

Source: made by author, data collected in the research.

В настоящее время для изучения различных аспектов функционирования региональной политической элиты в современной России используются различные методы сбора информации: анализ документов, биографический метод, онлайн-

интервью, личное глубинное нестандартизованное интервью, анкетирование и т.д. [Попова 2013; Шентякова 2014]. Нормой проведения экспертных интервью считается сочетание количественных и качественных методик. Особенностью проведенного эмпирического исследования факторов влиятельности региональной политической элиты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было сочетание полуструктурированного интервью с методом оценки экспертами факторов влиятельности региональных политиков по 10-балльной шкале.

При построении данного методического инструментария мы опирались на научные статьи, в которых авторы высказывали свои соображения о причинах влиятельности тех или иных политиков в регионах [Быстрова, Даугавет, Дука, Колесник, Невский, Тев 2019; Гриценко 2010; Колесник 2019; Матвеев 2019; Очирова 2016; Перфильев 2018]; также проводились оценка выделенных параметров, а также пилотаж, которые позволили снять риски методических ошибок.

Рабочей гипотезой исследования было предположение о том, что характеристики региональных политических режимов, принципы отбора и каналы продвижения по карьерной лестнице людей в региональных органах исполнительной и законодательной власти делают практически идентичными требования, условия, которые определяют степень политического влияния публичной и политико-административной элиты в различных субъектах федерации. Кейсы Санкт-Петербурга и Ленинградской области интересны максимально плотными историческими, экономическими и политическими связями.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на представлении результатов именно статистической обработки этих анкет экспертов². Стандартно применяемые приемы простой группировки данных с расчетом средних значений ряда и мер рассеяния важны, однако для более глубоко понимания ситуации необходимо комплексное применение сложных видов статистического анализа. В данном конкретном случае к полученному в ходе экспертных интервью набору данных — оценкам экспертами 22 параметров влиятельности региональных политиков по 10-балльной шкале — с целью получения дополнительной информации для построения концептуальных моделей были применены такие виды статистического анализа, как факторный, кластерный анализ и многомерное шкалирование.

Результаты исследования Случай Санкт-Петербурга

Анализ оценок экспертами значимости выделенных в методике 22 различных обстоятельств жизни и работы политика, его личностных, социально-статусных и биографических характеристик показал, что их роль в формировании влиятельности представителя политической элиты в регионе

---

² Статья написана на основании сделанного О.В. Поповой пленарного доклада «Факторы влиятельности региональной политической элиты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: гендерный аспект» на IV Международной научно-практической конференции «Женщины на государственной службе» (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, 4 марта 2022 г.).

существенно различается. При прямом ответе на вопрос были получены пять групп индикаторов, существенно отличающихся в глазах экспертов по степени значимости (табл. 2).

К самым существенным характеристикам, определяющим степень влиятельности политика, эксперты относят такие параметры, как: личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), контроль над экономическими ресурсами в регионе, а также лидерские качества личности. Для этой группы среднее взвешенное арифметическое оценок превышает 7, медиана находится в диапазоне от 7 до 9, модальное значение не ниже 7, а дисперсия (разброс оценок) является относительно невысокой.

Во вторую по значимости группу (существенные характеристики) попали оценки, характеризующие стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, поддержку определенной политической партии или контроль над ней. В данном случае среднее арифметическое взвешенное находится в диапазоне от 5 до 7, медианное значение равно 5, модальные характеристики различаются существенно (равны 3, 4, 5), а дисперсия заметно увеличивается.

К третьей группе характеристик (умеренно значимые) были отнесены механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, доверие со стороны населения, гендерная принадлежность (пол), связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы). Для этих переменных среднее взвешенное арифметическое находится в диапазоне от 5 до 6, медианный диапазон — от 4 до 5, а вот мода различается существенно (от 1 до 4), дисперсия также является высокой. Важно отметить, что именно эти характеристики в оценках разных экспертов максимально различаются.

К четвертой группе (малозначимая группа характеристик) эксперты отнесли уровень доходов политика и/или его семьи, политические взгляды, уровень образования, специализацию, ВУЗ. Здесь показатели средних значений ряда — мода, медиана, среднее арифметическое оказались еще ниже.

Наконец, к группе абсолютно несущественных параметров для формирования влиятельности эксперты отнесли параметры коммуникативной активности политика в интернет-пространстве и условия его первичной и вторичной социализации, а именно: размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика, возраст включения в политическую деятельность, активное присутствие в социальных сетях.

**Экспертная оценка значимости факторов влиятельности
политической элиты в Санкт-Петербурге**

Характеристики	Среднее значение	Медиана	Мода	Дисперсия	Позиция переменной в рейтинге значимости
Личные связи на уровне региона	8,42	9,00	10	2,939	1
Личные связи с представителями органов власти федерального уровня	8,06	8,00	7 ^a	2,246	2
Взаимодействие с иными группами в регионе	7,73	8,00	8	2,330	3
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе	7,36	8,00	10	4,676	4
Принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану	7,30	8,00	8	5,593	5
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур	7,27	7,00	8	3,330	6
Контроль над экономическими ресурсами в регионе	7,24	8,00	9	4,502	7
Лидерские качества	6,42	7,00	7 ^a	5,564	8
Стиль общения с окружающими	5,27	5,00	4	6,642	9
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики	5,67	5,00	5	4,479	10
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней	5,12	5,00	3 ^a	6,422	11
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)	4,97	5,00	3 ^a	6,593	12
Поддержка со стороны некоммерческого сектора, медиаструктур или контроль над ними	4,97	5,00	4 ^a	5,968	13
Доверие со стороны населения	4,73	4,00	2 ^a	8,267	14
Гендерная принадлежность (пол)	4,67	5,00	1	7,604	15
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)	4,58	4,00	1 ^a	7,064	16
Уровень доходов политика и/или его семьи	4,24	4,00	5	5,127	17
Политические взгляды	4,12	3,00	1 ^a	6,172	18
Уровень образования, специализация, вуз	4,03	4,00	1 ^a	5,530	19
Возраст включения в политическую деятельность	3,82	4,00	4	4,778	20
Активное присутствие в социальных сетях	3,73	3,00	2	6,205	21
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика	2,94	2,00	1	4,934	22

^a — минимальное значение моды в полимодальном ряду распределения.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Expert assessment of the significance
of the influence factors of the political elite in St. Petersburg**

Characteristics	Mean	Median	Modal value	Dispersion	Ranking results
Personal connections at the regional level	8,42	9,00	10	2,939	1
Personal connections with representatives of federal authorities	8,06	8,00	7 ^a	2,246	2
Interaction with other groups in the region	7,73	8,00	8	2,330	3
Availability of resources to solve problems in the region	7,36	8,00	10	4,676	4
Belonging to an influential family / relative, political clan	7,30	8,00	8	5,593	5
Support from the leadership of large economic structures	7,27	7,00	8	3,330	6
Control over economic resources in the region	7,24	8,00	9	4,502	7
Leadership skills	6,42	7,00	7 ^a	5,564	8
Communication style with others	5,27	5,00	4	6,642	9
Experience in non-public policy areas	5,67	5,00	5	4,479	10
Support for or control of a particular political party	5,12	5,00	3 ^a	6,422	11
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)	4,97	5,00	3 ^a	6,593	12
Support from the non-profit sector, media structures or control over them	4,97	5,00	4 ^a	5,968	13
Public confidence	4,73	4,00	2 ^a	8,267	14
Gender	4,67	5,00	1	7,604	15
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)	4,58	4,00	1 ^a	7,064	16
Income level of a politician and/or of his family	4,24	4,00	5	5,127	17
Political views	4,12	3,00	1 ^a	6,172	18
Level of education, specialization, university	4,03	4,00	1 ^a	5,530	19
Age of commencement of political activity	3,82	4,00	4	4,778	20
Active self-presentation in social networks	3,73	3,00	2	6,205	21
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth	2,94	2,00	1	4,934	22

^a is the minimum modal value in the polymodal distribution series.

Source: made by author, data collected in the research.

Объяснительная способность построенной модели факторного анализа обстоятельств, влияющих на значимость политика в региональной элите (табл. 3), оказалась высокой и составила 75,475 %.

Первый, наиболее значимый, фактор определения влияния политика в Санкт-Петербурге — условия общей и политической социализации. К нему отно-

сятся пол, размер населенного пункта периода первичной и вторичной социализации, уровень и тип образования, возраст включения в политическую деятельность, связь с регионом, в котором развивается политическая карьера. Речь идет о базовых условиях, которые внешне, формально не являются непосредственными причинами успешности/неуспешности карьеры, однако во многом закладывают тот фундамент, который в итоге обеспечивает влияние политика.

Второй по значимости фактор формирования влияния политика в регионе — доминирующие коммуникативные стратегии политика, основанные на наличии и типе его лидерских качеств, определяющие стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), активное присутствие в социальных сетях, поддержку со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, доверие со стороны населения и способность сформировать у населения представление о наличии у представителя политической элиты ресурсов для решения проблем в регионе.

Третий фактор — экономические основания влияния политика — определяется способностью политика контролировать экономические ресурсы в регионе, получить поддержку со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных) и эффективно взаимодействовать с экономическими, силовыми, теневыми группами влияния в регионе.

Четвертым фактором, определяющим влияние политика в регионе, является доминирование неформальных оснований политической карьеры. В этом факторе объединились три переменные; связанные между собой происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану и личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона в представлении экспертов доминируют в Санкт-Петербурге и являются антиподом официально сформированным механизмам рекрутирования политика (назначение, избрание).

Пятый фактор влияния отсылает нас к области патрон-клиентских отношений, что достаточно нетипично для промышленно развитого мегаполиса. Дружеские отношения, личное знакомство политиков с представителями органов власти федерального уровня в представлениях экспертов связаны с уровнем доходов политика и/или его семьи и поддержкой со стороны определенной политической партии или контроля над ней. Следует обратить внимание на то, что этот фактор сформировался предпоследним. Это отнюдь не означает, что связь с федеральным центром для региональных политиков не является существенным обстоятельством в карьере, но он наиболее значим с точки зрения перехода на другой уровень политического управления.

Наконец, шестой, наименее значимый, фактор связан с наличием у политика опыта работы в других сферах, помимо публичной политики. Данная картина однозначно отражает мнение экспертов, что политика назначения на должности «эффективных менеджеров», которые, по мнению управленцев федерального уровня, могут якобы одинаково успешно работать в любой сфере, на практике не выдерживает критики. Кроме того, сам по себе опыт работы в разных сферах не гарантирует политику роста авторитета и успешности карьеры на уровне региона.

Результаты факторного анализа условий, обеспечивающих влияние регионального политика в Санкт-Петербурге

Матрица компонентов после вращения*	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)	+0,871					
Возраст включения в политическую деятельность	+0,834					
Гендерная принадлежность (пол)	+0,719					
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика	+0,670					
Политические взгляды	+0,628					
Уровень образования, специализация, вуз	+0,607					
Доверие со стороны населения		+0,816				
Активное присутствие в социальных сетях		+0,766				
Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними		+0,762				
Лидерские качества		+0,748				
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе		+0,635				
Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками)		+0,478				
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных)			+0,869			
Контроль над экономическими ресурсами в регионе			+0,832			
Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе			+0,604			
Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану				+0,760		
Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона				+0,689		
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)				-0,534		
Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня					-0,709	
Уровень доходов политика и/или его семьи					+0,645	
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней					+0,607	
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики						+0,803

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

*Вращение сошлось за 9 итераций.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Factor analysis of conditions for the influence of politicians in St. Petersburg

Matrix of components after rotation*	Component					
	1	2	3	4	5	6
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)	+0,871					
Age of commencement of political activity	+0,834					
Gender	+0,719					
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth	+0,670					
Political views	+0,628					
Level of education, specialization, university	+0,607					
Public confidence		+0,816				
Active self-presentation in social networks		+0,766				
Support from the non-profit sector, media structures or control over them		+0,762				
Leadership skills		+0,748				
Availability of resources to solve problems in the region		+0,635				
Style of communication with others people		+0,478				
Support from the leadership of large economic structures			+0,869			
Control over economic resources in the region			+0,832			
Interaction with other groups in the region			+0,604			
Belonging to an influential family / relative, political clan				+0,760		
Personal connections at the regional level				+0,689		
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)				-0,534		
Personal connections with representatives of federal authorities					-0,709	
Income level of a politician or his family					+0,645	
Support for or control of a particular political party					+0,607	
Experience in non-public policy areas						+0,803

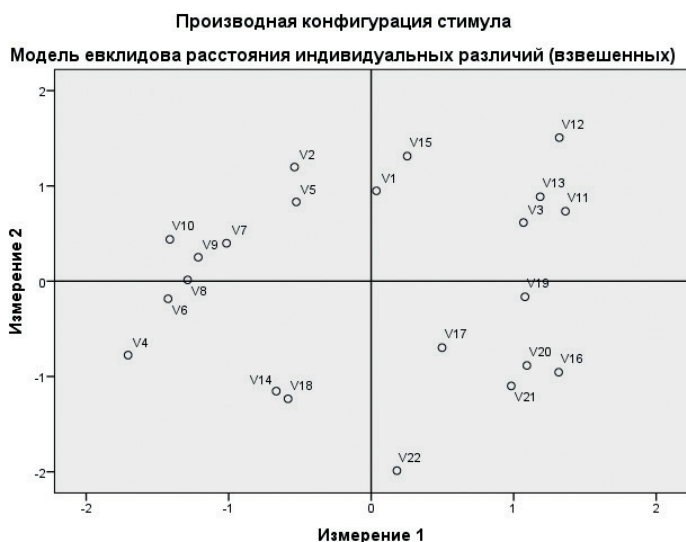
Factor selection method: principal component method.
Rotation method: Varimax with Kaiser normalization.

*The rotation converged in 9 iterations.

Source: made by author, data collected in the research.

Многомерное шкалирование не дало однозначно интерпретируемой комбинации характеристик, однако позволило выяснить, какие свойства политика или его биографии являются антиномичными с точки зрения определения влиятельности политика в элитной группе (рис. 1). Оценка проводилась по крайним точкам по вертикали и горизонтали.

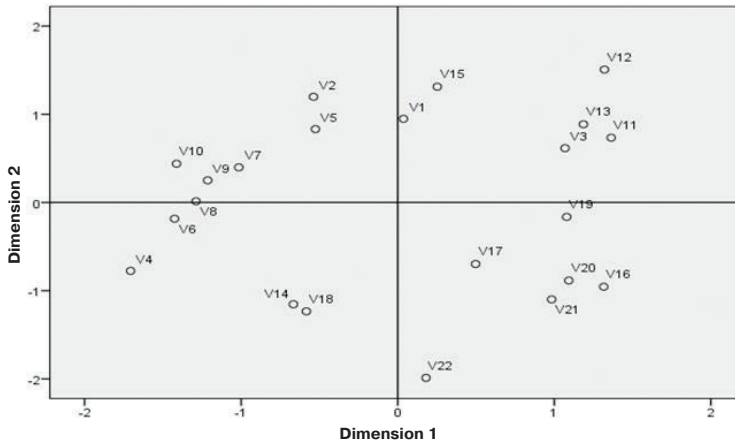
Мы видим, что горизонтальная ось формируется переменными принадлежности к клану и активности в соцсетях. Публичная коммуникативная активность сама по себе не дает шанс на формирование влияния политика в регионе, здесь гораздо важнее подчас никак не обнаруживаемая принадлежность к какому-либо клану. Вертикальная ось формируется двумя крайними точками: гендерная принадлежность и доверие населения. Как минимум, мы можем сделать вывод о том, что эксперты не считают половую принадлежность (как следствие, феминные или маскулинные модели поведения политиков) существенным фактором формирования отношения к ним населения.

Рис. 1. Многомерное шкалирование переменных значимости влияния политика в регионе:

V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, ВУЗ; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Figure 1. Multivariate scaling of the variables of the significance of the influence of a politician in the region:

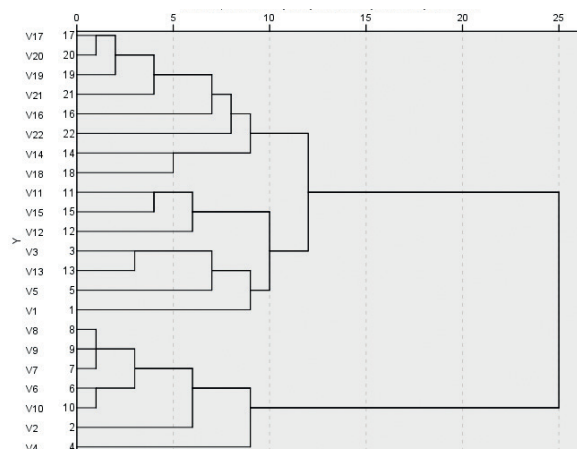
V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks; V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender

Source: made by author, data collected in the research.

При проведении кластерного анализа использовалась иерархическая модель с построением дендрограммы. Полученный график показал заслуживающую дополнительной интерпретации конфигурацию объединения характеристик в группы. При обрезке на 11-м шаге кластеризации мы видим три группы политиков (описание предложено от нижней группы к верхней).

Группа 1 объединяет такие характеристики, как: дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану, личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, контроль над экономическими ресурсами в регионе, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных). Налицо уже сформировавшийся тип политического «тяжеловеса», исходно входивший в какой-то клан по праву рождения и/или обросший связями, в том числе экономическими и неформальными («теневые структуры»), обладающий реальными возможностями, прежде всего экономическими, повлиять на ситуацию в регионе. В данном случае между понятиями «влиятельность политика» и «результативность его действия» можно поставить знак равенства.

Рис. 2. Кластерный анализ условий формирования влияния политиков в Санкт-Петербурге:

V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, ВУЗ; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Figure 2. Cluster analysis of the conditions for the formation of the influence of politicians in St. Petersburg:

V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks; V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender

Source: made by author, data collected in the research.

Группа 2 (рис. 2) объединяет следующие характеристики: лидерские качества, стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, активное присутствие в социальных сетях, доверие со стороны населения, поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.). Налицо тип политика — «политический трибун», который активно коммуницирует с населением и делает ставку в своей политической карьере именно

на узнаваемость «в народе» и на формирование по отношению к себе устойчивого положительного отношения жителей региона, в том числе и институтов гражданского общества, которые могут значительно отличаться по степени лояльности к органам власти и политическому режиму в стране.

Группа 3 объединяет такие характеристики политиков, как: политические взгляды, поддержка определенной политической партии или контроль над ней, гендерная принадлежность (пол), уровень доходов политика и/или его семьи, возраст включения в политическую деятельность, уровень образования, специализация, вуз, размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика, связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы). Этот тип политика ориентирован на традиционно принятый в регионе образ «своего», сознательно его эксплуатирует и, кроме того, акцентирует свои политические убеждения, возможно, даже педалирует приверженность определенной идеологии. Такой образ политика был особенно актуален в конце XX в. и связан с использованием в качестве ресурса влияния безотносительно карьерной принадлежности фактора «местечковости».

Кейс Ленинградской области

Анализ оценок экспертами в ЛО значимости выделенных в методике 22 различных обстоятельств жизни и работы политика, его личностных, социально-статусных и биографических характеристик показал, что их роль в формировании влияния представителя политической элиты в регионе существенно различается. При прямом ответе на вопрос о значимости были получены только три группы индикаторов, существенно отличающихся в глазах экспертов по степени значимости (табл. 4).

К самым существенным характеристикам, определяющим степень влияния политика эксперты, относят такие параметры, как: личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, лидерские качества, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану, дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, контроль над экономическими ресурсами в регионе. Для этой группы среднее арифметическое оценок приближается к 7, медиана находится в диапазоне от 6,8 до 7,8, модальное значение не ниже 6,8, а дисперсия (разброс оценок) является относительно невысокой. Фактически эксперты достаточно высоко оценили значимость прежде всего неформализованных, внешне неинституционализированных факторов влияния.

Во вторую по значимости группу (существенные характеристики) попали оценки, характеризующие также достаточно разнородные параметры, такие как: поддержка определенной политической партии или контроль над

ней, доверие со стороны населения, стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы), активное присутствие в социальных сетях, уровень образования, специализация, вуз, гендерная принадлежность (пол), механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.).

В данном случае среднее арифметическое взвешенное находится в диапазоне от 5,4 до 6,4, медианное значение равно 6, модальные характеристики различаются существенно (разброс от 4 до 8), а дисперсия заметно увеличивается.

К третьей группе характеристик (умеренно значимые) были отнесены политические взгляды, возраст включения в политическую деятельность, уровень доходов политика и/или его семьи, размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика. Для этих переменных среднее арифметическое находится в диапазоне от 3,5 до 4,6, медианный диапазон — от 3 до 5, а вот мода различается существенно (от 1 до 7), дисперсия также является высокой. Важно отметить, что именно эти характеристики в оценках разных экспертов максимально различаются.

Примечательно, что в отличие от ситуации с оценками экспертами значимости различных факторов в Санкт-Петербурге, в Ленобласти ни одна из характеристик не может быть напрямую оценена как малозначимая в плане формирования влиятельности политиков.

Объяснительная способность построенной модели факторного анализа обстоятельств, влияющих на значимость политика в региональной элите (табл. 5), оказалась высокой и составила 77,759 %.

Первый, наиболее значимый фактор определения влиятельности политика в Ленинградской области включает в себя механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), предполагающий опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, основанный на доверии к политику со стороны населения, поддержке со стороны определенной политической партии, некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними.

Объяснительная способность построенной модели факторного анализа обстоятельств, влияющих на значимость политика в региональной элите (табл. 5), оказалась высокой и составила 77,759 %.

Первый, наиболее значимый, фактор определения влиятельности политика в Ленинградской области включает в себя механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), предполагающий опыт работы в других сферах, помимо публичной политики, основанный на доверии к политику со стороны населения, поддержке со стороны определенной политической партии, некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур, или контроль над ними.

Экспертная оценка значимости факторов влиятельности политической элиты в Ленинградской области

Характеристики	Среднее значение	Медиана	Мода	Дисперсия	Позиция в рейтинге
Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона	7,80	8,00	8	1,750	1
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных)	7,68	8,00	7	2,727	2
Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе	7,60	8,00	9	4,833	3
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе	7,60	8,00	8	3,500	4
Лидерские качества	7,56	8,00	8 ^a	4,090	5
Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану	7,40	8,00	7 ^a	5,583	6
Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня	7,00	8,00	8	3,917	7
Контроль над экономическими ресурсами в регионе	6,88	7,00	6 ^a	4,443	8
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней	6,32	6,00	6 ^a	5,977	9
Доверие со стороны населения	6,20	6,00	6	5,250	10
Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками)	6,12	6,00	4 ^a	6,277	11
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики	6,04	7,00	8	5,707	12
Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними	5,84	6,00	5	4,307	13
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)	5,80	6,00	5	6,333	14
Активное присутствие в социальных сетях	5,64	6,00	5	6,073	15
Уровень образования, специализация, ВУЗ	5,56	5,00	8	4,923	16
Гендерная принадлежность (пол)	5,52	6,00	6	6,260	17
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)	5,44	6,00	5 ^a	3,590	18
Политические взгляды	4,64	5,00	2 ^a	6,657	19
Возраст включения в политическую деятельность	4,00	4,00	4	6,000	20
Уровень доходов политика и/или его семьи	4,40	4,00	7	4,750	21
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика	3,48	3,00	1	6,510	22

^a — минимальное значение моды в полимодальном ряду распределения.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**Expert assessment of the significance of the influence factors
of the political elite in the Leningrad Region**

Characteristics	Mean	Median	Modal value	Dispersion	Ranking results
Personal connections at the regional level	7.80	8.00	8	1.750	1
Support from the leadership of large economic structures	7.68	8.00	7	2.727	2
Interaction with other groups in the region	7.60	8.00	9	4.833	3
Availability of resources to solve problems in the region	7.60	8.00	8	3.500	4
Leadership skills	7.56	8.00	8 ^a	4.090	5
Belonging to an influential family / relative, political clan	7.40	8.00	7 ^a	5.583	6
Personal connections with representatives of federal authorities	7.00	8.00	8	3.917	7
Control over economic resources in the region	6.88	7.00	6 ^a	4.443	8
Support for or control of a particular political party	6.32	6.00	6 ^a	5.977	9
Public confidence	6.20	6.00	6	5.250	10
Communication style with others	6.12	6.00	4 ^a	6.277	11
Experience in non-public policy areas	6.04	7.00	8	5.707	12
Support from the non-profit sector, media structures or control over them	5.84	6.00	5	4.307	13
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)	5.80	6.00	5	6.333	14
Active self-presentation in social networks	5.64	6.00	5	6.073	15
Level of education, specialization, university	5.56	5.00	8	4.923	16
Gender	5.52	6.00	6	6.260	17
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)	5.44	6.00	5 ^a	3.590	18
Political views	4.64	5.00	2 ^a	6.657	19
Age of commencement of political activity	4.00	4.00	4	6.000	20
Income level of a politician or his family	4.40	4.00	7	4.750	21
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth	3.48	3.00	1	6.510	22

^a — минимальное значение моды в полимодальном ряду распределения.

Source: made by author, data collected in the research.

Второй по значимости фактор формирования влияния политика в регионе характеризует активность персональной информационной политики в интернет-пространстве и конкретно в социальных сетях, с акцентированием концепта «свой» для жителей региона с подчеркиванием связи политика с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы). При этом важной информацией для формирования влияния является возраст включения в политическую деятельность и размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика.

Третий фактор представляет собой достаточно неожиданную конфигурацию объединенных переменных. Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану, практики взаимодействия с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе и гендерная принадлежность (пол) рассматриваются как антиподы определенного уровня образования, специализации, окончания особого вуза и особого стиля общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), что составляет показатели уровня образованности и социального интеллекта. Вероятнее всего, образованность и талант коммуникации рассматриваются экспертами как избыточные, незначимые параметры социального и человеческого капитала для тех, кто по праву рождения в определенной семье или сложившегося опыта взаимодействия с особыми влиятельными группами в регионе пользуется именно ими как источниками своего влияния в Ленобласти в настоящее время.

Четвертым фактором, определяющим влияние политика в регионе, является способность политиков эксплуатировать собственные политические взгляды (стратегия публичного «уличного» трибуна) или свои доходы / доходы своей семьи (демонстрация личной обеспеченности, непродуктивное привлечение внимания более влиятельных персон за счет траты на них денег, возможно, в формате внешне дружеского общения) для обеспечения себе определенного политического веса в Ленобласти, что эксперты рассматривают как непродуктивные действия, скрывающие отсутствие у политика реальных ресурсов для решения проблем в регионе.

Пятый фактор влияния отсылает нас к проявлению политиком лидерских качеств, соответственно, к инициативности, способности завязывать дружеские отношения, личные знакомства с представителями органов власти федерального уровня, формировать личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона и получать поддержку со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных). Таким образом, лидерские качества региональной политической элиты в Ленобласти эксперты связывают прежде всего с коммуникативными талантами политиков.

**Результаты факторного анализа условий, обеспечивающих
влиятельность регионального политика в Ленинградской области**

Повернутая матрица компонентова*	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Поддержка определенной политической партии или контроль над ней	+0,892					
Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними	+0,826					
Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.)	+0,788					
Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики	+0,717					
Доверие со стороны населения	+0,687					
Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика		+0,805				
Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы)		+0,792				
Активное присутствие в социальных сетях		+0,716				
Возраст включения в политическую деятельность		+0,578				
Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану			+0,860			
Гендерная принадлежность (пол)			+0,834			
Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками)			-0,659			
Уровень образования, специализация, ВУЗ			-0,588			
Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе			+0,476			
Наличие ресурсов для решения проблем в регионе				-0,854		
Политические взгляды				+0,797		
Уровень доходов политика и/или его семьи				+0,660		
Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня					+0,861	
Лидерские качества					+0,663	
Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона					+0,591	
Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных)					+0,538	
Контроль над экономическими ресурсами в регионе						+0,793

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

* Вращение сошлось за 8 итераций.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

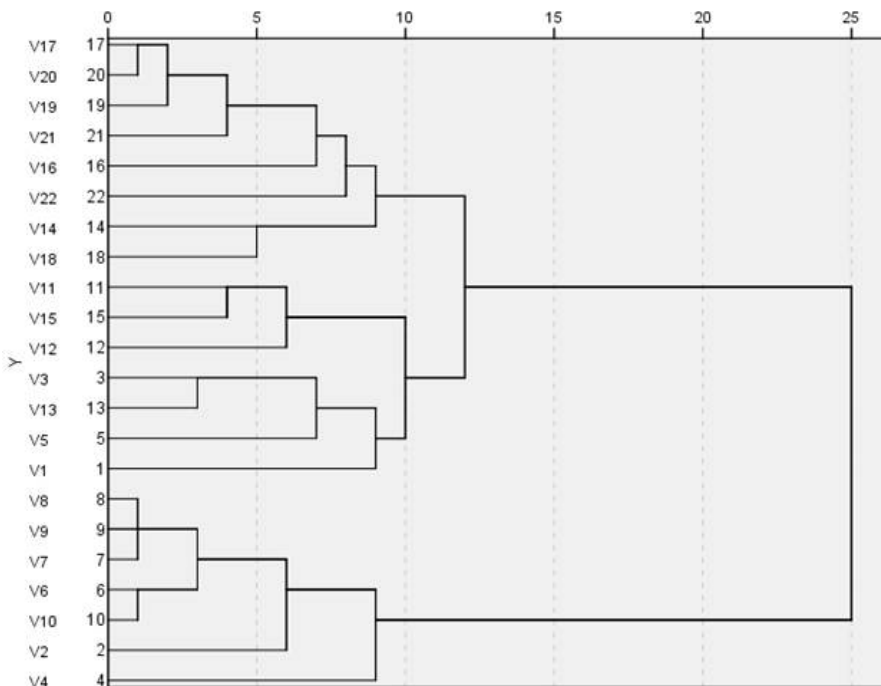
Factor analysis of conditions for the influence of politicians in Leningrad Region

Matrix of components after rotation*	Component					
	1	2	3	4	5	6
Support for or control of a particular political party	+0,892					
Support from the non-profit sector, media structures or control over them	+0,826					
Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.)	+0,788					
Experience in non-public policy areas	+0,717					
Public confidence	+0,687					
The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth		+0,805				
Connection with the region (the region is the place of birth, education, work)		+0,792				
Active self-presentation in social networks		+0,716				
Age of commencement of political activity		+0,578				
Belonging to an influential family / relative, political clan			+0,860			
Gender			+0,834			
Style of communication with others people			-0,659			
Level of education, specialization, university			-0,588			
Interaction with other groups in the region			+0,476			
Availability of resources to solve problems in the region				-0,854		
Political views				+0,797		
Income level of a politician or his family				+0,660		
Personal connections with representatives of federal authorities					+0,861	
Leadership skills					+0,663	
Personal connections at the regional level					+0,591	
Support from the leadership of large economic structures					+0,538	
Control over economic resources in the region						+0,793

Factor selection method: principal component method.
Rotation method: Varimax with Kaiser normalization.

* The rotation converged in 8 iterations.

Source: made by author; data collected in the research.

Рис. 3. Кластерный анализ условий формирования влияния политиков в Ленинградской области:

V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, ВУЗ; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол).

Figure 3. Cluster analysis of the conditions for the formation of the influence of politicians in the Leningrad Region:

V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks;

V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender

Source: made by author, data collected in the research.

Наконец, шестой, наименее значимый, фактор включает только одну переменную: контроль над экономическими ресурсами в регионе. С учетом того, что эксперты в ходе интервью говорили о значимости именно федеральных

экономических проектов в Ленобласти, такой расклад в факторном анализе отражает четкое осознание крайне невысокой возможности региональной политической элиты контролировать финансовые потоки в этом субъекте федерации: инвестиции от крупного экономического бизнеса и из федерального центра идут в настоящий момент прежде всего на строительство ключевого экономического портала и инфраструктуры в Луге.

Проведенный кластерный анализ (иерархическая модель, построение дендрограммы) показал любопытную конфигурацию объединения характеристик в группы. При обрезке на 12-м шаге кластеризации мы видим 5 групп политиков (описание идет снизу вверх).

Группа 1 объединяет такие характеристики, как: наличие ресурсов для решения проблем в регионе, основанное на лидерских качествах представителя региональной политической элиты, его происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану, наличие поддержки со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), способность выстраивать личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) и взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теньвыми) в регионе; существенным является наличие дружеских отношений, личного знакомства с представителями органов власти федерального уровня.

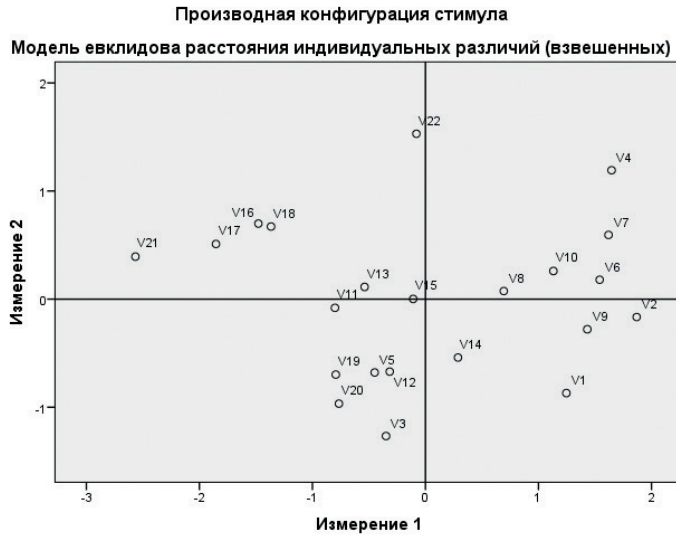
Группа 2 включает единственную характеристику — пол политика, который не коррелирует существенно с другими параметрами. Анализ устных комментариев экспертов показал существенные расхождения в оценке значения этого социально-демографического параметра представителей власти.

Группа 3 включает политические взгляды, определенные особенностями общей социализации и вторичной политической социализации представителя элиты: уровень доходов политика и/или его семьи, размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика, возраст его включения в политическую деятельность.

Группа 4 фиксирует особенности стиля общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками), который сформировался у представителей власти на основе понимания особенностей местного менталитета, поскольку регион работы в настоящее время одновременно является и местом рождения, получения образования или начала карьеры.

Группа 5 показывает политиков, которые способны осуществлять контроль над экономическими ресурсами в регионе за счет легитимного механизма рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.), опирающиеся на доверие со стороны населения, поддержку определенной политической партии, некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними, активное присутствие в социальных сетях. Важным при этом является уровень образования, специализация, вуз, опыт работы в других сферах, помимо публичной политики.

Результаты кластерного анализа в данном случае не дали какого-то заметного прироста знания в сравнении с той информацией, которую мы получили при выполнении факторного анализа.

Рис. 4. Многомерное шкалирование переменных значимости влияния политика в Ленинградской области: V1 — Лидерские качества; V2 — Наличие ресурсов для решения проблем в регионе; V3 — Стиль общения с окружающими (подчиненными, соратниками, противниками); V4 — Происхождение, принадлежность к влиятельному семейному / родственному, политическому клану; V5 — Опыт работы в других сферах, помимо публичной политики; V6 — Личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона; V7 — Взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе; V8 — Контроль над экономическими ресурсами в регионе; V9 — Поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных); V10 — Дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня; V11 — Активное присутствие в социальных сетях; V12 — Доверие со стороны населения; V13 — Механизм рекрутирования политика / модель его политической карьеры (назначение, избрание и др.); V14 — Поддержка определенной политической партии или контроль над ней; V15 — Поддержка со стороны некоммерческого (гражданского) сектора, медиаструктур или контроль над ними; V16 — Политические взгляды; V17 — Возраст включения в политическую деятельность; V18 — Уровень доходов политика и/или его семьи; V19 — Уровень образования, специализация, вуз; V20 — Связь с регионом (регион — место рождения, получения образования, работы); V21 — Размер населенного пункта, в котором прошли детство и юность политика; V22 — Гендерная принадлежность (пол)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Figure 4. Multivariate scaling of the variables of the significance of the influence of a politician in the Leningrad Region:

V1 — Leadership skills; V2 — Availability of resources to solve problems in the region; V3 — Style of communication with others people; V4 — Belonging to an influential family / relative, political clan; V5 — Experience in non-public policy areas; V6 — Personal connections at the regional level; V7 — Interaction with other groups in the region; V8 — Control over economic resources in the region; V9 — Support from the leadership of large economic structures; V10 — Personal connections with representatives of federal authorities; V11 — Active self-presentation in social networks; V12 — Public confidence; V13 — Politician recruiting mechanism / model of his political career (appointment, election, etc.); V14 — Support for or control of a particular political party; V15 — Support from the non-profit sector, media structures or control over them; V16 — Political views; V17 — Age of commencement of political activity; V18 — Income level of a politician or his family; V19 — Level of education, specialization, university; V20 — Connection with the region (the region is the place of birth, education, work); V21 — The size of the settlement in which the politician spent his childhood and youth; V22 — Gender.

Source: made by author, data collected in the research.

Представление переменных, определяющих факторы влиятельности политиков в регионе, в формате многомерного шкалирования не дает какой-либо значимой информации с точки зрения их комбинирования, однако мы видим, что (рис. 4) горизонтальная ось (оценка проводилась по крайним точкам) формируется переменными

«размер пункта, в котором проходило взросление политика» и «наличие ресурсов для решения проблем в регионе». Эта ось может быть проинтерпретирована как способность к масштабному, стратегическому мышлению при решении региональных задач.

Вертикальная ось формируется двумя крайними точками: «гендерная принадлежность» и «стиль общения политика с окружающими». Вполне вероятно, эксперты, хорошо зная ситуацию в Ленинградской области, видят существенное различие в линии профессионального поведения мужчин и женщин, занимающих значимые места в региональной политической элите.

Заключение

Проведенный анализ однозначно показал, что транслируемые в результатах исследований региональной элиты идеи о необходимости принятия решения о назначении на ту или иную должность в иерархической системе управления на основе результатов объективного квалификационного экзамена, требований учета общественного мнения, совершенствования системы отбора кандидатов на управленческие должности и развития подготовки политических лидеров, безусловно, справедливы и имеют право на существование. Однако не следует забывать, что формальные практики назначения на должности и функционирования политиков чаще всего сопровождаются совокупностью сложно измеряемых или оцениваемых факторов и неформальных практик, которые в документальных источниках практически не отражаются, но подчас являются определяющими для политической карьеры.

К самым существенным характеристикам, отражающим степень влиятельности политика в Ленинградской области, эксперты относят такие параметры, как: личные связи (родственные, дружеские, профессиональные) на уровне региона, поддержка со стороны руководства крупных экономических структур (частных или государственных), взаимодействие с иными группами (экономическими, силовыми, теневыми) в регионе, наличие ресурсов для решения проблем в регионе, лидерские качества, происхождение, принадлежность к влиятельному семейному/родственному, политическому клану, дружеские отношения, личное знакомство с представителями органов власти федерального уровня, контроль над экономическими ресурсами в регионе.

В отношении Санкт-Петербурга справедливо утверждать, что неравенство ресурсов политического влияния в региональной элите является «кумулятивным». Все основные ресурсы города тесно взаимосвязаны; обладание административным ресурсом позволяет влиять на основные направления политики города (транспортную, строительную, образовательную и культурную). Стабильность и изменчивость политического влияния политико-административной элиты в Санкт-Петербурге напрямую зависит от стабильности федерального правительства и тех бизнес-элит, которые работают с ним в связке на уровне города. Существенных изменений системы региональной власти, радикального изменения состава политической элиты, влияния на перестановки в политической власти «снизу» в обозримом будущем не ожидается.

Важным методическим выводом проведенного анализа является обоснованная доказанная необходимость не ограничиваться элементарными процедурами статистического анализа, связанными с простой группировкой данных, выявлением средних значений полученного вариационного ряда и мерами рассеяния, но и в обязательном порядке использовать возможности сложных видов статистического анализа. Как убедительно доказано на данном примере, даже при наличии сходных оценок значимости тех или иных переменных (именно это мы наблюдаем в табл. 2 и 4), реальные латентные модели оказываются совершенно различными. Кроме того, в большинстве случаев использование факторного, кластерного видов анализа и многомерного шкалирования обеспечивает получение дополнительной содержательной информации.

За рамками обсуждения этой статьи остался вопрос о том, почему при достаточно схожих политических процессах в соседних регионах, связанных тесными историческими, экономическими и политическими узами, модели факторов влияния все же не совпадают. Эта проблема будет предметом обсуждения другой статьи, однако выскажем предположение, что в современной России при доминировании вертикальной модели власти и безусловной влияния устанавливаемых на федеральном уровне правил особенности региональной политической элиты и факторы ее «политического веса» все же во многом определяются той конфигурацией реальной политической власти, которую создает глава исполнительной власти в управляемом им регионе. Налицо исключительно интересная для исследователей ситуация, когда при полном совпадении регламентируемых нормативных правил организации политической жизни и функционирования политической элиты реальные политические процессы в субъектах федерации все же различаются.

Поступила в редакцию / Received: 19.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 14.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66.
- Гаева А.В. Теоретические подходы к изучению эффективности деятельности политической элиты // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1. С. 125–131.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты в фокусе компаративного анализа. М.: Аспект Пресс, 2020. 586 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II) // Полис. Политические исследования. 2004. № 3. С. 22–32. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.03>

- Гриценко Н.П.* Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс // Социум и власть. 2010. № 1 (25). С. 6–69.
- Дука А.В. и др.* Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>
- Дука А.В.* Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>.
- Дука А.В.* Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14–54
- Жуков Д.С., Сельцер Д.Г., Барабаиш Н.С.* Системно-динамическая модель воспроизводства региональных элит в СССР и России // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2020. № 1 (29). С. 90–102.
- Иванова Л.А.* Социологический анализ отношения региональной элиты к своему положению и существующим проблемам (на примере Астраханской области) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 4. С. 21–26.
- Ковин В.С., Петрова Р.И.* Конкурсная модель рекрутирования глав в политическом пространстве промышленных городов Урала: специфика и типология // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 2. С. 267–286. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-267-286>
- Колесник Н.В.* Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 30–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-30-48>
- Колядин А.М.* «Группа интересов» против «элиты»: теория А. Бентли в контексте взглядов элитистов (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 186–191.
- Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999. 192 с.
- Ледяев В.Г.* Административный класс как субъект политического господства в современной России // Pro nunc: Современные политические процессы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. Вып. 8. С. 40–66.
- Лобойко Д.А.* Современные механизмы обновления региональной политической элиты в Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 1.
- Матвеев И.А.* Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на власть // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74>
- Очирова В.М.* Социальное происхождение как механизм формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (дата обращения: 01.07.2022.).
- Перфильев Ю.С.* Региональные модели взаимодействия между деловыми и политическими элитами (на примере Иркутской области) // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 20–27. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.1.3>
- Покаатов Д.В.* Отечественная социология политической элиты: современные тренды регионального развития // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 116–123. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/14>
- Понеделков А.В., Аверин А.Н., Магомедов К.О.* Кадровый потенциал политико-административной элиты и его роль в реализации государственной социальной политики // Элитология и стратегии развития современной России. Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-на-Дону: Изд-во РАНХиГС, 2016. С. 321–345.

- Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г. Лидерско-элитная составляющая политических процессов в экспертном и массовом сознании (региональный аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 2. С. 1–14.
- Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6, Политология. Международные отношения. Вып. 1. С. 49–56.
- Родионов М.А., Волкова Т.А. Конкурентоспособность политических элит // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 6. С. 179–191.
- Родионов М.А., Волкова Т.А. Современные политические элиты России // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 116–127.
- Усова Ю.В. Административно-политические элиты современной России в региональном измерении // Вопросы элитологии. 2020. № 4. С. 123–137.
- Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования: монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 268 с.
- Хабаров И.А. Инкорпорирование групп субрегиональной элиты во власть: тактические модели поведения // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 28–39.
- Чирикова А.Е. Региональные элиты. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.
- Шарин И.А. Региональные политические элиты // Скиф. 2019. № 3 (31). С. 164–170.
- Шендякова А.В. Консолидация российской элиты как фактор государственной политики идентичности // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31119/re.2020.7.1.1>
- Шендякова А.В. Мотивация и стратегии построения карьеры представителей региональной элиты // Вестник СПбГУ. Сер. 6, Политология. 2014. № 2. С. 111–119.
- Amin A. An institutionalist perspective on regional economic development // Economy. Routledge, 2017. P. 59–72.
- Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regime // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–37.
- Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, no. 2. P. 181–199.
- Burton V., Higley J. Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered // Power elites and organization / W.G. Domhoff, Th. Dye (eds.). Beverly Hills: Sage, P.U.F., 1987. P. 219–238.
- Cameron R., Turovsky R.F. Centralized but fragmented: the regional dimension of «Russia's party of power» // Demokratizatsiya. Washington, DC. 2015. Vol. 23, no. 2. P. 205–223.
- Clegg S. The necessity and possibility of powerful 'regional' knowledge: curriculum change and renewal // Teaching in Higher Education. 2016. Vol. 21, no. 4. P. 457–470.
- Dragoman D., Gheorghită B. Regional Design, Local Autonomy, and Ethnic Struggle: Romania's Syncopated Regionalisation // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68, no. 2. P. 270–290.
- Errejón Í., Guijarro J. Post-neoliberalism's difficult hegemonic consolidation: A comparative analysis of the Ecuadorean and Bolivian processes // Latin American Perspectives. 2016. Vol. 43, no. 1. P. 34–52.
- Garrido-Vergara L. Elites, political elites and social change in modern societies // Revista de Sociología. 2013, no. 28. P. 31–49. <https://doi.org/10.5354/0716-632X.2013.30713>
- Higley J., Hoffmann-Lange U., Kadushin C., Moore G. Elite integration in stable democracies: a reconsideration // European Sociological Review. 1991, no. 7. P. 35–53.
- Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science / ed. by M. Dobry. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 109–129.

- Higley J., Pakulski J., Wesołowski W. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. London: Macmillan, 1998. P. 1–33.
- Kleibrink A. Political Elites and Decentralization Reforms in the Post-socialist Balkans: Regional Patronage Networks in Serbia and Croatia. Palgrave Macmillan, 2015. 231 p.
- Kuzio T. Rise and Fall of the Party of Regions Political Machine // *Problems of Post-Communism*. 2015. Vol. 62., no. 3. P. 174–186.
- Lanigan C. Region-building in the North East: regional identity and regionalist politics // *A Region in Transition*. Routledge, 2017. P. 104–119.
- Morgan K. Nurturing novelty: Regional innovation policy in the age of smart specialization // *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2017. Vol. 35, no. 4. P. 569–583.
- Reisinger W.M., Moraski B.J. The regional roots of Russia's political regime. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 280 p.

References

- Amin, A. (2017). *An institutionalist perspective on regional economic development*. Economy. Routledge, 59–72.
- Burton, M., & Higley, J. (2001). The study of political elite transformations. *International Review of Sociology*, 11(2), 181–199.
- Burton, M., Gunther, R., & Higley, J. (Eds.). (1992). Introduction: Elite transformations and democratic regime. In *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* (pp. 1–37). Cambridge: Cambridge University Press.,
- Burton, V., & Higley, J. (1987). Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered. In Domhoff, W.G., & Th. Dye (Eds.), *Power elites and organization* (pp. 219–238). Beverly Hills: Sage, P.U.F.
- Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevsky, A.V., & Tev, D.B. (2019). Institutionalization of the political elite: Sources of recruitment and careers. *Power and Elites*, 6(2), 24–66.
- Cameron, R., & Turovsky, R.F. (2015). Centralized but fragmented: The regional dimension of «Russia's party of power». *Demokratizatsiya*. Washington, DC, 23(2), 205–223.
- Chirikova, A.E. (2010). *Regional elites*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Clegg, S. (2016). The necessity and possibility of powerful 'regional' knowledge: curriculum change and renewal. *Teaching in Higher Education*, 21(4), 457–470.
- Dragoman, D., & Gheorghită, B. (2016). Regional design, local autonomy, and ethnic struggle: Romania's syncopated regionalization. *Europe-Asia Studies*, 68(2), 270–290.
- Duka, A.V. (2017). Transformation of post-Soviet political and administrative elites. *Actual Problems of Europe*, 2, 14–54.
- Duka, A.V. (2021). Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites. *Power and Elites*, 8(1), 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>.
- Duka, A.V. (2021). Institutionalization of the regional administrative elite: Recruitment pool and career trajectories. *Power and Elites*, 8(2), 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>
- Errejón, Í., & Guijarro, J. (2016). Post-neoliberalism's difficult hegemonic consolidation: A comparative analysis of the Ecuadorean and Bolivian processes. *Latin American Perspectives*, 43(1), 34–52.
- Gaeva, A.V. (2012). Theoretical approaches to the study of the effectiveness of the political elite. *Bulletin of the Volgograd State University*, (1), 125–131. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V. (2004). Russian regional elites: Personal composition and evolution trends (II). *Polis. Political Studies*, 3, 22–32. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.03>

- Gaman-Golutvina, O.V. (2006). *Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution*. Moscow: ROSSPEN.
- Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Political elites as an object of research in domestic political science. *Political Science*, (2), 38–73.
- Gaman-Golutvina, O.V. (2020). *Political elites in the focus of comparative analysis*. Moscow: Aspect Press.
- Garrido-Vergara, L. (2013). Elites, political elites and social change in modern societies. *Revista de Sociología*, 28, 31–49. <https://doi.org/10.5354/0716-632X.2013.30713>
- Gritsenko, N.P. (2010). Regional political elites in modern Russia: Resources of influence on the political process. *Society and Power*, 1(25), 6–69.
- Higley, J., & Pakulski, J. (2000). Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe. In M. Dobry (Ed.), *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science* (pp. 109–129). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Higley, J., Hoffmann-Lange, U., Kadushin, C., & Moore, G. (1991). Elite integration in stable democracies: A reconsideration. *European Sociological Review*, 7, 35–53.
- Higley, J., Pakulski, J., & Wesołowski, W. (Eds.) (1998). Introduction: Elite change and democratic regimes in Eastern Europe. In *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* (pp. 1–33). London: Macmillan.
- Ivanova, L.A. (2021). Sociological analysis of the attitude of the regional elite to their position and existing problems (on the example of the Astrakhan region). *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, (4), 21–26.
- Khabarov, I.A. (2016). Incorporation of subregional elite groups into power: Tactical models of behavior. *Bulletin of the Tambov University. Series Political Science and Law*, 2(4), 28–39. (In Russian).
- Kleibrink, A. (2015). *Political Elites and Decentralization Reforms in the Post-socialist Balkans: Regional Patronage Networks in Serbia and Croatia*. Palgrave Macmillan.
- Kolesnik, N.V. (2019). Educational trajectories of the Russian elite: Regional projection. *World of Russia*, 28(4), 30–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-30-48>
- Kolyadin, A.M. (2016). “Interest group” versus “elite”: A. Bentley’s theory in the context of elitist views (G. Mosca, V. Pareto, R. Michels). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 3(35), 186–191.
- Kovin, V.S., & Petrova, R.I. (2019). Competitive model of recruiting heads in the political space of the industrial cities of the Urals: Specificity and typology. *Ars Administrandi (The Art of Government)*, 11(2), 267–286. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-267-286>
- Kryshтанovskaya, O.V. (2005). *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov.
- Kuzio, T. (2015). Rise and fall of the party of regions political machine. *Problems of Post-Communism*, 62(3), 174–186.
- Lanigan, C. (2017). Region-building in the North East: Regional identity and regionalist politics. In *A Region in Transition* (pp. 104–119). Routledge.
- Lapina, N.Yu., & Chirikova, A.E. (1999). *Regional Elites in the Russian Federation: Models of Behavior and Political Orientations*. Moscow: INION.
- Ledyayev, V.G. (2008). The administrative class as a subject of political domination in modern Russia. *Pro nunc: Contemporary Political Processes*, 8, 40–66. (In Russian).
- Loboiko, D.A. (2018). Modern mechanisms for updating the regional political elite in the Russian Federation. *Theories and Problems of Political Researches*, 7(4A), 20–26.
- Matveev, I.A. (2019). Big business in Putin’s Russia: Old and new sources of influence on power. *World of Russia*, 28, (1), 54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-54-74> (In Russian).
- Morgan, K. (2017). Nurturing novelty: Regional innovation policy in the age of smart specialization. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 35(4), 569–583.

- Ochirova, V.M. (2016). Social origin as a mechanism for the formation of political elites in multi-ethnic regions of Russia (on the example of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva). *New Researches of Tuva*, 2. Retrieved January 07, 2022, from <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99>
- Perfiliev, Yu.S. (2018). Regional models of interaction between business and political elites (on the example of the Irkutsk region). *Society: politics, economics, law*, (1), 20–27. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.1.3>
- Pokatov, D.V. (2020). Domestic sociology of the political elite: Current trends in regional development. *Bulletin of the Tomsk State University*, (453), 116–123. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/14>
- Ponedelkov, A.V., Averin, A.N., & Magomedov, K.O. (2016). Personnel potential of the political and administrative elite and its role in the implementation of state social policy. In *Elitology and development strategies of modern Russia* (pp. 321–345). *Proceedings of the Second All-Russian Elite Congress with International Participation*. Rostov-on-Don: RANEPА Publishing House.
- Ponedelkov, A.V., Starostin, A.M., & Shvets, L.G. (2015). Leadership-elite component of political processes in expert and mass consciousness (regional aspect). *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (2), 1–14.
- Popova, O.V. (2013). Career strategies of subfederal political elites. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6. Political science. International Relations*, 1, 49–56. (In Russian).
- Reisinger, W.M., & Moraski, B.J. (2017). *The regional roots of Russia's political regime*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Rodionov, M.A., & Volkova, T.A. (2016). Modern political elites of Russia. *Social and Humanitarian Knowledge*, (5), 116–127. (In Russian).
- Rodionov, M.A., & Volkova, T.A. (2017). Competitiveness of political elites. *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 179–191. (In Russian).
- Sharin, I.A. (2019). Regional political elites. *Skif*, (3), 164–170. (In Russian).
- Shentyakova, A.V. (2014). Motivation and career building strategies for representatives of the regional elite. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6. Political Science*, (2), 111–119.
- Shentyakova, A.V. (2020). Consolidation of the Russian elite as a factor of state identity politics. *Power and Elites*, 7(1), 5–21. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1> (In Russian).
- Usova, Yu.V. (2015). *Political elites of the regions of modern Russia: transformation factors and positioning vectors*. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VSC RAS & North Ossetia-A. (In Russian).
- Usova, Yu.V. (2020). Administrative and political elites of modern Russia in the regional dimension. *Questions of elitology*, (4), 123–137. (In Russian).
- Zhukov, D.S., Seltzer, D.G., & Barabash, N.S. (2020). System-dynamic model of reproduction of regional elites in the USSR and Russia. *Innovation and expertise: scientific papers*, (1), 90–102. (In Russian).

Сведения об авторе:

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.popova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

About the author:

Olga V. Popova — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, the Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, St. Petersburg State University (e-mail: o.popova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767).